

*Посвящается жизням и красоте,
вдохновившим эти страницы.*

Эта книга является художественным вымыслом. Любые упоминания исторических событий, реальных личностей и мест носят фиктивный характер. Прочие имена, персонажи, места и события являются плодом воображения автора. Любое сходство с реальными событиями, местами или людьми, ныне здравствующими или покойными, является случайным совпадением.

Вступление

Сутира проснулась среди высокой травы от странной вибрации где-то совсем рядом. Несколько мгновений она не могла понять, что это. Сперва показалось — музыка, дрожь задетой струны старинного инструмента, на котором отец играл ей в детстве колыбельную, — Сутира забыла название. Она многое забыла — вкус настоящей еды, голос своего отца, кем она была до того, как умерли мама и братишка, до прихода голода и страха.

Дрожь не утихала. Замерев, Сутира прислушивалась. Вибрация доносилась с соседнего поля, но за глинистым пригорком ничего не разглядеть. Не надо бояться, убеждала себя Сутира. Тетка Амара спит рядом на жесткой земле, чуть смягченной покрывалом тщательно осмотренной травы. Вокруг, рассеянные среди рисовой стерни и травинок, забылись сном другие члены их группы. Уже сумерки, небо мягкого золотого цвета. Скоро совсем стемнеет, все проснутся и продолжат безоглядное бегство к тайской границе. Несмотря на то что позади остался немалый отрезок пути, Сутира не могла избавиться от ощущения, что за ними по пятам кто-то идет.

Совсем недавно красные кхмеры, отступая после проигранного боя с вошедшими в Камбоджу вьетнамскими частями, выгнали жителей деревни в

джунгли. На полпути ее дед и бабушка, у которых не было сил продолжать поход, заставили Сутиру и свою младшую дочь Амару идти дальше без них. Тетка обещала вернуться, как только они найдут помощь, но все понимали — это нереально, этого никогда не будет. Спустя несколько дней или даже недель они вышли из джунглей и оказались среди рисовых полей с торчащими сухими стеблями — рис давно убрали. Солнце быстро садилось — огромный переливающийся шар оседлал горизонт, окрасив небо и землю в огненный цвет. Необычный для этого времени года, только что кончился дождь — вдали висела бледная радуга. Сутира осторожно пробиралась между телами неизвестной семьи, переступая брошенные как попало пожитки, среди которых была и рваная наволочка с золотом и драгоценными камнями. Солдаты сказали, что они могут брать все, что хотят, но жители деревни качали головами и шарахались от трупов.

Испуганная Сутира взяла за руку молодого солдата, шедшего рядом. Он не отнял руки и тихо велел ей держаться поближе к трупам и по возможности наступать на них, потому что они — самая безопасная дорога. Этих застрелили, сказал он, показывая на совершенно целые тела, — никаких оторванных конечностей, лежат будто спящие. Солдатык начал насвистывать колыбельную, чтобы успокоить Сутиру или, возможно, себя, и ступал осторожнее. Командиры решили срезать путь через рисовое поле в обход широкой открытой дороги — такие в основном и минировали. Оглянувшись, Сутира увидела, как Амара украдкой нагнулась и что-то подняла. *Не надо*, хотела сказать Сутира,

Музыка призраков

не воруй у мертвых. Но было уже поздно. Золотая цепочка сверкнула, свесившись из кулака Амары, и отправилась в карман ее рубашки. Сутира снова стала смотреть вперед, крепче сжав руку солдата и глядя на далекую радугу. Они пересекали одно поле за другим, идя тропой многих тел, других семей и нового золота. Внезапно из леса впереди донеслась негромкая музыка — играл какой-то струнный инструмент.

— Вроде лютня, — сказал один из мужчин постарше, еще помнивший традиционное искусство. — Поблизости должна быть хижина фермера и его семьи, ухаживал же кто-то за этими полями.

С этим все согласились. Идущие впереди ускорили шаги, и вдруг без предупреждения поле приподнялось от взрыва, полетели куски земли и плоти. Кровь брызнула на сухие пожелтевшие стебли.

Остались только Сутира, ее молодая тетка и еще несколько человек, находившихся достаточно далеко, когда сдетонировали мины. Остальные погибли. Кого или что они слышали — человека, лесного духа, шелест бамбуковых листьев, треск цикад или же с группой приключилась коллективная галлюцинация? Они никогда не узнают.

Сутира прислушивалась, не раздастся ли снова разбудивший ее звук. Наверное, показалось. Снова галлюцинация, подумала она. Рядом на траве свернулась Амара, ровно дыша во сне. Сейчас, с закрытыми глазами и спокойным лицом, Амара сама казалась ребенком, а не девушкой, на которую оставили Сутиру. Насколько они знали, из всей семьи уцелели только они. Ничего не было известно об отце Сутиры, жив он или мертв, он пропал уже давно, самым

первым. Им с Амарой повезло: остальные беженцы почти все были одиноки — их близкие были убиты или же сами умерли от голода и болезней. Видимо, поэтому люди решились бежать в Таиланд — здесь их больше никто и ничто не держало. Домов не осталось, только эта земля открытых могил.

Тетка глубоко вздохнула во сне и повернулась на другой бок, откинув руку на скудные пожитки, словно защищая их от полевых мышей, которые могут попытаться проникнуть в горшок с рисом, где хранилась золотая цепочка. Опустив цепочку в горшок, где варился рис, Амара объяснила — так они уберегут драгоценность от бандитов и пограничников. Ворам не придет в голову разломить комочек риса не больше костлявого кулачка Сутиры. Тетка очень старалась, чтобы комок выглядел естественно — съела рис вокруг него, а этот словно забыла, придав ему неровную форму. Цепочка поможет им выжить, сказала она Сутире, за границей ее можно будет обменять на еду и ночлег. *Призраки нас не оставят*, подумала Сутира, *они последуют за нами всюду, куда бы мы ни пошли.*

Вибрация возобновилась, на этот раз сопровождаемая скрипом — совсем немзыкальным скрежетом металла о камень. Сутира услышала насвистывание и сразу поняла — это молодой солдатик, товарищ Чи, как она его называла. Теперь он просто Чи. Он единственный выжил из банды красных кхмеров — его командиры, те, кто ушел вперед, подорвались на минах. Ему поручили замыкать группу и следить за теми, кто шел медленно, как Сутира и ее тетка. Чи был младшим из семерых бойцов и совсем не походил на солдата. Возможно, он новобранец, которого

Музыка призраков

выдернули с родных полей, когда началась война с Вьетнамом.

Сутира встала и пошла на звук по высокой траве.

При виде ее Чи перестал насвистывать. Сутира присела на корточки, уткнувшись подбородком в колени, и смотрела, как он острит нож о вросший в землю камень. Когда начали взрываться мины, Чи схватил Сутиру в охапку, как маленькую, и метнулся за ствол пальмы, мимо которой они проходили. Остальные скопом побежали за ними, стараясь ступать по следам Чи. Когда все стихло — комья земли попадали обратно, а мертвые остались мертвыми, Чи бросил автомат, сказав, что он бесполезен, патроны кончились в последней стычке с вьетнамцами. С него хватит, сказал Чи без всякого пафоса или аффекта, тем же голосом, каким подсказывал Сутире наступать на покойников. Ему еще не доводилось убивать вне поля боя, но он навидался смертей и больше не желает. Чи знал дорогу в Таиланд — до войны ему случалось перегонять молодых буйволов и пони на границу для продажи. Больше он ничего не сказал. По своим следам солдатик вышел с рисового поля на узкую грязную тропинку, откуда группа начала переход. Он ждал. Кто хочет пойти в Таиланд? Хотели все. За кем еще им было идти? Мертвые останутся мертвыми. Несколько дней назад Чи был одним из врагов, а сейчас стал защитником и проводником. Его нож — единственная оборона от встречных бандитов, диких животных и воображаемых звуков.

— Я думала, это музыка, — призналась Сутира.

Между ними завязалась некая дружба. На вид Чи был ровесником ее тетки — даже моложе, лет сем-

Вэдей Патнер

надцати-восемнадцати, а Сутире тринадцать, если люди говорят правду и идет семьдесят девятый год. Они живут в этом аду четыре года, а кажется — целую жизнь. Но сейчас не имело значения, сколько ей лет или сколько было до всего этого кошмара, когда приходится спать среди трупов, дышать от их отлетевшего дыхания и красть у них, чтобы прокормиться. Сутира понимала, что завтра ее, возможно, не будет в живых.

— Здесь, — совсем тихо отозвался Чи, будто боясь ее напугать, — есть только музыка призраков.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ощупью пробираясь в тесном пространстве своей хижины, он водил в темноте руками, ища *садив* среди мутных расплывчатых теней, которые различал его единственный зрячий глаз. Во сне лютия звала его, пробиваясь в сознание надрывными щипками струн, пока Старый Музыкант не проснулся от постороннего присутствия. Наконец пальцы нашли инструмент: *садив* косо лежал на бамбуковой койке, забывшись сном без сновидений. Палец нечаянно задел медную струну, вызвав тихое «кток», похожее на причмокивание младенца. Старый Музыкант был почти слеп — левый глаз давным-давно вытек от удара дубинки, правый стал плохо видеть с возрастом — и больше доверял остальным чувствам. Но сейчас он видел ее, ощущал ее присутствие — не как призрака, заполнившего собой крохотную хижину, не как завладевшей им навязчивой идеи, но как страстное желание на грани воплощения. Он чувствовал приближение той, что унаследует *садив*, старинный инструмент для заклинания духов умерших, словно случайная нота вызвала ее из небытия.

Он прижал лютию к груди, пробудив от сонной немоты, как часто держал маленькую дочь — много лет назад, в другой жизни — сердце к сердцу, а крошечная головка склонялась ему на плечо. Из всего,

о чем он старался забыть, старик позволял себе — без ограничений и чувства вины — отдушину этого воспоминания: дочкина шейка, прильнувшая к его коже, повторяющая изгибы нежности, словно два органа единой анатомии.

— Почему ты такая мягкая? — спрашивал он, и дочка всякий раз восклицала:

— Потому что вокруг меня вращаются спутники!

Он смеялся над рассудительностью, с которой малышка произносила свой нелогичный ответ, — будто научную истину или древнюю мудрость, глубокий смысл которой от него ускользал. Когда она подросла и уже могла объяснить загадку своих слов, Старый Музыкант напомнил ей ту фразу, но девочка совсем ее забыла.

— Папа, я уже не ребенок! — отрезала она совершенно по-взрослому, уколов отца в самое сердце. Это было все равно что сказать: «Папа, ты мне больше не нужен». Взглядом она оттолкнула того, кто отказался от нее, а он опечалился, что дочка подросла: ему не хватало прежней малышки и абсолютного доверия, которым она удостаивала отца.

Что-то текучее и неудержимое рванулось в нем из глубины и собралось за глазами. Старый Музыкант убеждал себя, что роскошь подобных эмоций не для него. Скорбь — привилегия безгрешных, он не смеет на нее притязать. У него нет права на скорбь. В конце концов, что он потерял? Ничего, с чем не был готов расстаться. Однако что-то сродни грусти или раскаянью вытекало из него, как копившаяся целый сезон дождевая вода, пробираясь по ущельям и каньонам обезображенного лица, глубоко врезаясь в географию его вины.

Музыка призраков

Он провел пальцами по тонкой полоске на месте давно зажившей раны: шрам, чуть светлее коричневой кожи, пересекавший лицо наискось, от переносицы до края левой щеки, создавал иллюзию двух соединенных половинок, где в левой доминировал белый от катаракты глаз, а в правой — мелкие рубцы.

Если бы дочь увидела его сейчас, сравнила бы она изрытость его лица с поверхностью Луны? Как бы она описала его грубую внешность? Увидела бы в ней что-нибудь поэтическое? Нашла бы таинственно-утешительную фразу для его непоправимого увечья? Раньше он не связывал мягкость дочкиной кожи и ее воображаемые спутники, а теперь гадал, не ассоциировалась ли у малышки бархатистая поверхность далекой полной луны с нежностью сна, с прелестью грез, заставляющих тело расслабляться и делаться мягче. Но это было чересчур рациональным умозаключением — Старый Музыкант уже не мог доверять своим ассоциациям с полной луной. В последний раз он четко видел луну больше двадцати лет назад, в ту ночь, когда Сохон умер в Слэк Даеке, одной из многих тюрем тайной полиции Пол Пота по всей стране, которые называли кодовым эвфемизмом «сала». Школа. В тот вечер в «школе» Слэк Даек луна купалась не только в жидком нежном блеске, но и в нестерпимо ярком цвете крови Сохона, крови, которая теперь окрашивает видимое единственному глазу Старого Музыканта и порой изменяет оттенок и текстуру его воспоминаний. Истину.

Он прикрыл глаза, потому что усилие не закрывать их начало напрягать мышцы и нервы правого